

ЗОЛУШКА

НЕКОТОРЫЕ ДУМАЮТ, ЧТО УЧЕБА и воспитание маленьких детей сопоставимы с помощью другим людям, что-то вроде сервиса. Принято считать, что, если ты учишь маленьких детей, ты должен их любить. И выводы из этого делают самые разные.

* * *

Еще принято считать, что если ты очень толстый и все время весел и счастлив, то, скорее всего, ты просто притворяешься и ведешь себя так, чтобы заставить окружающих забыть, насколько ты толст, или простить тебе это. Полагают, что ты глуп настолько, что думаешь, будто такой номер проходит. Исходя из этого, люди приобретают уверенность в своем умственном превосходстве, и тогда они начинают тебя еще и жалеть.

* * *

Эти притворщицы, мои сводные сестры, они приходили ко мне и говорили: «Разве ты не знаешь, что мы хотим тебе помочь?» Они приходили ко мне и говорили: «Может, расскажешь нам о своей жизни?»

Они задавали эти идиотские вопросы снова и снова.

С тобой все в порядке?

Что с тобой происходит?

Может, поговоришь с нами, дорогая?

Как у тебя жизнь?

Я сидела, уставившись перед собой, не глядя на их чудесные волосы, прекрасные глаза и очаровательные ротки. Я изучала рисунок на обоях у них за спиной и старалась не моргать до тех пор, пока они не вставали и не уходили.

Какая у меня была *жизнь*? Что *происходило* со мной?

Ничего со мной не происходило. Со мной все было в порядке.

Прежде чем встать и уйти, они торопливо улыбались мне дрожащими губами. Оставшись в одиночестве, я продолжала сидеть на стуле и смотреть на обои, пока сестры разговаривали с Зиной.

Желтые обои с белыми линиями, идущими вверх и вниз. Линии никогда не пересекались — как раз там, где они должны были вот-вот сойтись, линии прерывались, и широкая полоса желтого всегда оказывалась между ними.

Мне нравилось смотреть на белые линии на желтом фоне, на каждую из них по отдельности.

* * *

Когда притворщицы называли меня «дорогая», ледяная вьюга врывается в мой рот и через горло неслась в живот, замораживая все внутри. Они не знали, что я — ничто, что я никогда не буду такой, как они. Они не знали, что единственной частью меня, имеющей значение, был маленький твердый камушек внутри.

* * *

У камня есть имя. МАМА.

* * *

Если тебе лет пятьдесят, ты работаешь воспитательницей в детском саду, да к тому же еще и толстая, то люди почему-то воображают, что ты должна быть искренне предана их детям, потому что никакой личной жизни у тебя быть не может. Родители почти благодарны тебе за твою некрасивость, потому что для них она означает, что ты действительно будешь хорошо заботиться об их чадах. Да и в конце концов, нельзя же этим заниматься ради денег, ведь так? Что люди знают о твоей зарплате? Они знают, что даже уборщица получает больше. Итак, по их мнению, ты решила посвятить себя воспитанию чудесных, замечательных, милых деток не для того, чтобы разбогатеть, конечно же, нет.

Тем не менее, даже если они не покупаются на твои улыбки и хорошие манеры, даже если относятся к тебе со смешанным чувством жалости и презрения, они тебе все-таки благодарны.

* * *

Я встречаюсь с родителями, например с каким-нибудь курчавеньким адвокатиком, скажем, по имени Арнольд Золлер, и его женой Кати, и когда я сижу за своим столом и смотрю, как эти двое стройных, красивых молодых людей изо всех сил стараются скрыть жалость и презрение, то и дело проскальзывающие на ухоженных лицах, я вижу в их глазах благодарность.

Арнольд и Кати верят, что такая достойная жалости старая толстуха, как я, должна любить их прелестную маленькую девочку, скажем, по имени Тори (Виктория полностью). И мне кажется, что я действительно люблю малышку Тори Золлер, да, я на самом деле думаю, что люблю ее. Моя мама тоже любила бы ее. Это истинная правда.

* * *

Я вижу себя в мире, в самом центре мира.
Я растворяюсь в природе.

* * *

У нас в сознании существует представление о совершенстве, но ничто в мире, в природе нельзя познать в совершенстве. Каждый ответ определен тем, кто отвечает.

* * *

Я не собираюсь поощрять или удовлетворять ваши желания и нужды. Даже если вы такой уважаемый человек, как адвокат. Даже если ваше имя, к примеру, Арнольд Золлер.

* * *

Однажды, правда, недолго, было золотое время. В моем сознании существовало представление о совершенстве, и вся природа отзывалась эхом и вторила ему. Мои родители, и я с ними тоже, жили в золотое время. Нас звали Эш. В общем-то меня и сейчас зовут миссис Эш, хотя «миссис» добавляют исключительно из вежливости: никакого мужа не было и в по-

мине. (Некоторые школьники называют меня миссис Толстуха-Эш, у них я не была воспитательницей, перед их родителями мне не приходилось вжиматься в стул и говорить, что их чертовы бесценные сокровища — чудесные, замечательные, милые детки, да ко всему еще и умненькие. Так вот, я делаю вид, что мне это безразлично.) Мистер и миссис Эш на самом деле жили вместе в золотое время, и они всем сердцем любили свою маленькую дочку. А потом — оп-па! — мамочка умерла. Папочка похоронил ее во дворе поместной церкви, со священником, в гробу, с гимнами, причитаниями и всем таким прочим, и Зина, я помню, Зина была там уже тогда, даже тогда. Вот так обстояли дела с самого начала.

Притворщицы приходили из-за того, что я стала делать позже. Они приезжали издалека, из города, наоборот. Мы жили в деревне и никогда не видели городских платьев как у них, не видели таких причесок. А у одной даже была вуаль!

* * *

Одним зимним утром, когда я работала здесь только первый год, я села в машину — точнее сказать, втиснулась (что ж, я отличаюсь от других), вжалась между сиденьем и рулем — и проехала сорок миль на восток до ближайшего города. Я проехала через весь город и направилась в самые гнилые трущобы, где люди, сидя в машинах, пьют средь бела дня. Я отправилась в магазин, в который никто не ходит, кроме живущих на социальное пособие и мамаш с пятью-шестью детьми от разных отцов. Я припарковалась на улице и проше-

ствовала к двери. Такие, как они, никогда не обижают таких, как я.

Внизу в подвале был магазин, где продавали обои. С сопением и пыхтением я спустилась по лестнице, сися при этом, как новая пуговица. Я протискивалась между рядами обоев, пока не добралась до задней стенки, где на полке, словно книги, стояли образцы. Они были очень похожи на книги сказок из моего детства. Я сгребла штуки четыре, водрузила их на стол перед собой и, взгромоздившись на малюсенький стульчик, начала с хлопанием переворачивать «страницы».

Маленький испуганный негритенок в дешевом костюмчике пробормотал что-то невнятное, предлагая мне помощь. Я улыбнулась ему своей самой очаровательной и добродушной улыбкой и сказала: «Что ж, я пришла сюда за обоями, не так ли?» Знаю ли я, какой цвет хочу? «Да, я думала о желтом», — сказала я. «Ух-ух, — сказал он, — а какого типа желтые обои вам хочется?» — «Желтые с белыми полосками». — «Ух-ух», — говорит он и начинает помогать мне просматривать книги с образцами. Пожалуй, нигде на белом свете нет более уродливых обоев, чем здесь. Одни напоминали болячки на стене, другие словно попали под дождь и облезли. Даже негритенок знает, что это — дерьмо, но изо всех сил старается не подать виду.

Я щедро улыбаюсь направо и налево. Я улыбаюсь, как королева, проезжающая по своему королевству в экипаже, как маленькая девочка, которой горлица с волшебного дерева только что подарила платье, расшитое золотом и серебром. Я улыбаюсь так, как улыбаюсь Арнольду Золлеру и его женошке, когда они си-

дят напротив и смотрят на меня, а я топлю, душу, давлЮ, хороню их прелестную, умненькую малышку Тори в золотых словах.

«Думаю, у нас есть еще желтые обои», — говорит негритенок, приносит еще одну большую книгу сказок и с тяжелым стуком шлепает ее на стол между нами. Его темные, словно грязные, руки переворачивают большие плотные страницы. И прямо как я и думала, как я и знала, да я просто была уверена, что это может произойти только здесь, в этом грязном углу именно этого грязного магазина: глупый, но очень услужливый паренек открывает книгу с обоями моей мамы.

Я вижу широкие желтые и узкие белые линии, которые никогда не пересекаются, и я не могу сдержаться, я покрываюсь потом с головы до ног, я издаю такой ужасный стон, что негритенок кидается от меня прочь. И правильно делает, потому что в следующую секунду я наклоняюсь, изрыгая что-то красновато-липкое прямо на пол магазина. «О боже, — бормочет негритенок, — о леди». Я рычу, и остатки красной массы вырываются из меня и с брызгами шлепаются на ковер. Негр постарше в рубашке с накладной бабочкой кидается к нам, но резко останавливается с открытым ртом, глядя на то, что творится на ковре.

Я достаю носовой платок из сумочки и вытираю рот. Пытаюсь улыбнуться ребенку, но перед глазами у меня туман. «Нет, — говорю я, — все в порядке, я хочу купить эти обои для кухни, да, именно эти». Переворачиваю страницу, чтобы посмотреть, как называются обои моей мамы — и обои Зины, — и выясняю, что обои называются «Задумчивый тростник».

* * *

Для вдохновения совсем необязательно быть религиозным.

* * *

Авантюрный склад ума — как огромный дом.

Чтобы по-настоящему прожить жизнь, надо относиться к ней как к большому приключению.

Но никто на свете не может объяснить притягательность приключений.

* * *

Зина научила меня двум трюкам, которые всегда срабатывают в отношениях с детьми, а срабатывают потому, что на самом деле это вовсе не трюки!

Первый трюк я использую, когда какой-нибудь ребенок не слушается или невнимателен, что, как вы понимаете, часто случается с детьми детсадовского возраста. С такими нарушениями я справляюсь так: приказываю ребенку подойти к моему столу. (Иногда я приказываю подойти двоим.) Я пристально смотрю на ребенка до тех пор, пока он не съеживается. Иногда он краснеет или дрожит. Я дожидаюсь физических признаков стыда и дискомфорта. Затем произношу имя ребенка. «Тори», — говорю я, если это Тори. Ребенок начинает тарашиться на меня своими маленькими глазенками. Это происходит всегда, без исключений. «Тори, — говорю я, — ты знаешь, что ты сделала плохо, не так ли?» В девяноста девяти случаях из ста ребенок кивает. «Ведь ты никогда больше не будешь так делать, правда?» Как правило, ребенок в состоянии только проле-

петать: «Нет». «Так-то лучше», — говорю я и начинаю наклоняться вперед, я наклоняюсь до тех пор, пока перед ребенком не остается только мое огромное воспаленное лицо. Затем низким, несущим смерть голосом я шепчу: «Еще раз...» Когда я говорю «Еще раз...», я очень убедительна. Я чувствую, что даже мои глаза меняют форму. Я думаю о Зине и том времени, когда она говорила мне: «Можешь не плакать на могиле своей мамочки, от этого не вырастет чудесное дерево, ты просто утопишь ее в грязи».

* * *

Притягательность моей работы в авантюризме — это большое приключение, как жизнь.

* * *

Моя мамочка не утонула в грязи. Она умерла по-другому. Она упала с лестницы в гостиной, в той гостиной, где сидела Зина, когда приходила в гости. Тогда Зина была просто одной из леди, и во время визитов, «частных бесед», она сидела в лучшем старинном кресле и держала руки на коленях, как самая скромная и невинная леди из всех. Зина была наполовину китаянка, и я знала, что внутри она похожа на острый нож, который может искромсать тебя, но пока не станет. Зина любила авантюры, хотя и не в такой мере, как я. Она так и не выбралась из того городка. Единственное, что с ней произошло потом, — она постарела и осталась одна, она не была больше красивой, превратилась в старую желтую вдову, а потом я слышала, что она умерла на грядке в саду. Я слышала об этом от двух разных людей. Можно сказать, что Зина

утонула в грязи. Это еще раз доказывает, что во всем сказанном на земле есть истина, правда, не всегда очевидная сразу.

* * *

Второй трюк, которому я научилась от Зины, помогает мне справиться с целой группой детей, которые вдруг решили взбеситься. Это дети родителей, которые думают, что знают все, а фактически знают меньше, чем ничего. Такие дети никогда не прочувствуют дома классической манеры воспитания. Ты должна реагировать так, чтобы твое представление о совершенстве было очевидным. Так, чтобы донести свое представление о совершенстве до неуправляемых детей, чтобы они тоже его усвоили.

Бедлам может начаться тысячью разных способов. Скажем, я разговариваю с одним конкретным ребенком, например произношу свое «Еще раз». Или мое внимание ослабло на минуту, когда я размышляю об одной из многих вещей, о которых могу размышлять. Могила матери, омытая моими слезами. Женщины с городскими прическами, которые искренне желали мне помочь, но были просто не в состоянии. Ощущения, которые я испытывала, неподвижно стоя, обнаженная, во дворе перед домом, обмазавшись фекалиями и сливаясь с природой. Постепенное исчезновение моего отца, который, как персонаж из мультика, со временем становился все тоньше и прозрачнее, пока совсем не исчез. Зина, лежащая в саду лицом вниз, втягивающая ноздрями грязь. Сходство женщин из города со злыми сводными сестрами в старых сказках. А еще их сходство с прекрасными принцами из тех же сказок.

Та, которая слышит сказку, сказку создает.

Я не всегда нахожусь мыслями со своими воспитанниками, иногда я уплываю в одно или сразу несколько из своих сказочных королевств. Человек в мечтах может создать все, что ему нужно. Например, образы определенных мест, куда он может уплыть и отдохнуть от окружающего мира. Я парю над своими спокойными королевствами. А в этот момент один ребенок таскает другого за волосы. Второй плюется в окно. Третий падает на пол, издавая какие-то нечеловеческие звуки. То есть порядок превратился в бардак. Тогда я воскрешаю в памяти образы своих безжалостных женщин-ангелов, и вот я уже на ногах, прежде чем маленькие бесенята замечают, что я встала из-за стола. В мгновение ока я оказываюсь около выключателя. Все эти Тори, Тиффани, Джошуа и Иеремии продолжают стоять на головах. Я шлепаю по выключателю, и в комнате становится темно.

Результат? Тишина. Вдохновенное действие — это судьба.

Дети застывают. Их пульс учащается, вены разбухают и превращаются в синие бугорки на висках. Я говорю четыре слова: «Подумайте, что это значит». Они прекрасно знают, что это значит. Произносятся слова, я увеличиваюсь в два раза. Я возвышаюсь над ними, и чернота льется из меня. Затем я снова включаю свет и улыбаюсь им. Эти дети никогда не назовут меня миссис Толстуха-Эш; эти дети знают, что я — то же, что и вся природа.

* * *

Когда-то давным-давно умирающая королева послала за своей дочерью, и когда дочь пришла и села у изголовья, королева сказала: «Я оставляю тебя, ми-